

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

А. Г. КОЗИНЦЕВ

ЯЗЫК—РЕАЛЬНОСТЬ—ИГРА—СМЕХ

Антропологические фрагменты

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 8
ББК 81
К 59

*Утверждено к печати
Ученым советом Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Рецензенты:

Л. Б. Вишняцкий

(д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института истории материальной культуры РАН),

И. Э. Клюканов

(д-р филол. наук, профессор Восточно-Вашингтонского университета),

В. А. Петровский

(д-р психол. наук, профессор Высшей школы экономики)

Козинцев А. Г.

К 59 Язык — реальность — игра — смех: Антропологические фрагменты. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 368 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-907498-60-0

В книге собраны тексты, написанные автором за последнюю четверть века. Их объединяет тема уникальности человека — существа, наделенного речью и осознающего свою биокультурную двойственность. Под углом зрения этой двойственности обсуждается широкий круг вопросов — от метафизики до политики и от религии до эстетики комического. Некоторые тексты уже публиковались в России, другие оставались неопубликованными, третьи были изданы только на Западе и российскому читателю неизвестны, четвертые написаны специально для этой книги.

Ввиду содержательной и стилистической разнородности текстов книга не имеет единой целевой аудитории. Но мы надеемся, что по крайней мере некоторые ее разделы заинтересуют специалистов, работающих в разных областях гуманитарной науки, а также непрофессионалов, задумывающихся о природе человека.

**УДК 8
ББК 81**

*В оформлении переплета использована
картина Р. Магритта из серии «Условия человеческого существования»*

ISBN 978-5-907498-60-0

9 785907 498600 >

© Козинцев А. Г., 2024

© Издательский Дом ЯСК, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Религия глазами антрополога	15
1.1. Происхождение человека: что мы знаем и во что верим? ..	15
1.2. Необъясненная религия.	26
2. Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон	36
2.1. Икскуль и Пирс. Существует ли биосемиотика?	36
2.2. Два интерпретанта	42
2.3. Редукционистское понимание глоттогенеза: Дарвин против Декарта	47
2.4. Языковой Рубикон, сальтационизм и антидарвинизм: необходимая связь?	68
2.5. От Павлова и Выготского к Дикону и Томаселло	73
2.6. Семиотический треугольник и вторая сигнальная система	78
2.7. Язык и СКЖ: слом барьера, а не усовершенствование ...	87
2.8. Вперед к Выготскому: язык как социальное явление	93
2.9. Возникновение языка	98
2.9.1. Поздняя революция?	98
2.9.2. Раннее возникновение и дальнейшая эволюция? ..	106
2.9.3. Компромисс Рогинского и протоязык	109
3. Эмоции и свобода воли	112
3.1. Метаистория эмоций: врожденные программы и/или культурные модели	112
3.2. Переписка с В. А. Петровским о свободе воли	122
4. В чем (еще) был неправ Фрейд?	126
4.1. Сознательное и бессознательное в детском примирении. .	126
4.2. О фасаде анекдота и о том, что за ним таится	128

5. Уничтожение содержания формой: от Шиллера до русского формализма	132
6. Смех, плач и прочие паралингвистические знаки.	138
6.1. Переписка с Г. Е. Крейдлиным о невербальной семиотике, языке, реальности и наивной картине мира	138
6.2. Смех, плач, зевота: психология чувств и/или этология общения	152
6.3. Феномен «смех-плач»: о различии сходного	165
6.4. Чувства и роли в традиционной и посттрадиционной культуре: о сущности и культурных смыслах смеха и плача	171
7. Общие проблемы комического	183
7.1. Кант и смех	183
7.2. Эволюционное бегство: С. М. Эйзенштейн и теория комического	197
7.3. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора	217
7.4. Переписка с К. М. Шилихиной об иронии и юморе	236
8. Жанры комического: трикстериада, (анти)паремия, анекдот, телешоу.	241
8.1. О функции трикстера	241
8.2. Заметки о русских антипословицах	255
8.3. Анекдоты о Сталине и теория комического	267
8.4. Переписка с А. Крикманном об анекдотах и их персонажах	285
8.5. «Куклы» Виктора Шендеровича: гнев и шутка	292
Послесловие	309
Литература.	312
Предметный указатель	349
Именной указатель	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

На обложке этой книги — репродукция одной из картин Рене Магритта из серии «Условия человеческого существования». Назовем эту репродукцию отображением четвертого уровня (далее увидим почему). Перед нами оптическая иллюзия, кажущаяся предельно простой. Здесь нет ни зеркал, которые отражали бы позирующих персонажей, ни самих персонажей, ни художника, их воспроизводящего, как на полотнах ван Эйка и Веласкеса.

У Магритта все проще. На картине внутри картины (это отображение третьего уровня) — пейзаж, который точно вписывается в «подлинный» пейзаж за окном. Перенесемся силой воображения в эту комнату, протянем руку к картине на мольберте и коснемся холста. Обман разоблачен! «Критерий истины — практика», — вспоминаем мы затверженную мысль. А теперь перенесемся в музейный зал и протянем руку к той части картины, на которой «подлинный» пейзаж (впрочем, лучше не надо, ведь музейные правила это запрещают). Поэтому коснемся изображенного пейзажа лишь мысленно — увы, под пальцами будет тот же холст с тем же красочным слогом. Это отображение второго уровня. Выясняется, что разоблачили мы не художника, а сами себя: думали, что созерцаем одновременно реальность и ее образ, но оказалось, что перед нами всего лишь два уровня отображения.

Если бы мы вновь попали в изображенную художником комнату, то, конечно, увидели бы за окном «подлинный пейзаж». Это отображение первого уровня — уже не на холсте, а в нашем сознании. А ну как и это иллюзия? Но проникнуть глубже уже не получится. Воспринять саму реальность (ее можно было бы условно назвать отображением нулевого уровня) нам не дано. И даже если бы мы ее каким-то чудом все-таки восприняли, то, как заметил проницательный Кант, и в этом случае воспринятое тоже — по определению! — было бы не самой реальностью, а ее отображением в нашем сознании. «Вещь сама по себе» принципиально невоспринимаема именно потому, что

она вне нашего сознания. Данная проблема (а вокруг нее вращается вся философия) принципиально неразрешима.

Психические и физические феномены образуют таинственное и неразрывное единство. Тайна в том, что, хотя первые словно специально созданы, чтобы отражать вторые (в этом вроде бы и состоит единственная их функция), самого процесса отражения мы не видим и, что самое обескураживающее, никогда не увидим. Никакая «теория отражения» нам тут не поможет¹. Об этом прекрасно написал психолог Л. М. Веккер (1998):

Другие встречающиеся в природе и технике виды предметных изображений в меру доступности их оригиналов чувственно-му восприятию доступны ему и сами. Механический отпечаток, фотографическое, телевизионное или киноизображение в такой же мере чувственно воспринимаемы, как и их объект. Более того, самая эта их чувственная доступность определяет их функцию и существо. Психический же процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Эта прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве.

Прозрачность и невоспринимаемость... Что за наваждение! Разве наука о мозге не способна помочь нам разобраться в этом? Увы, нет, ибо проблема лежит не в естественно-научной, а в логической плоскости. Вот зачем Л. Витгенштейну (2017/1921: 176) понадобился «метафизический субъект», который, в отличие от психологического, является не частью мира, а границей мира: «Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И ни из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом».

Равным образом, ни из чего в умпостигаемом мире нельзя заключить, что психологический субъект, которого изучают эволюционная антропология и наука о мозге, первичен, а метафизический вторичен. Единственное, на что может сослаться психологический

¹ Обзор теорий, пытающихся разными способами (большой частью неудачно) найти подход к этой тайне, см., например: Ревонсуо, 2013.

субъект в споре о первородстве с метафизическим субъектом — это, во-первых, то, что не только с естественно-научной, но и с логической точки зрения он должен предшествовать метафизическому субъекту, а во-вторых, то, что его страшит солипсизм (опровергнуть который он не может). К солипсизму, кстати, и пришел Витгенштейн, см. послесловие.

Выражение “*La condition humaine*” (название картины Магритта) иногда переводят как «Удел человеческий», что подчеркивает бесплодность наших попыток увидеть одновременно и сам предмет, и его отображение в сознании. Ломать голову над тем, насколько реальна реальность, отображать ее, давать ей какие-то имена, прорываться к ней сквозь кажимость свойственно только существу, наделенному речью — человеку. В главе 2, посвященной уникальности человеческого языка, я к этому вернусь.

Пьеса Александра Блока «Балаганчик» показывает то же самое средствами театра. Ее обычно связывают с символизмом, на мой же взгляд, она куда реалистичнее всех пьес А. Н. Островского, вместе взятых. С самого начала на сцене появляется Автор². Но едва он вмешивается в игру, как некая рука утягивает его обратно за кулисы. Одному из актеров — Арлекину — наскучивает представление, и он выпрыгивает в окно, которое оказывается нарисованным на бумаге. Разрывая ее, Арлекин прыгает в пустоту. В разрыве видна Смерть. Актеры бросаются враспынную. Автор снова пытается вмешаться — но декорации взвиваются вверх. Маски вместе с Автором убегают. Остается Пьеро, жалующийся — не актерам (их никого не осталось), а нам, зрителям, — на то, что невеста его оказалась картонной. Сосчитайте, сколько уровней отображения в этой игре — четыре? пять? больше? К комедии дель арте я еще вернусь в разделе 8.5, посвященном «Куклам» В. Шендеровича, а сейчас скажу, что у животных театра нет (хотя Н. Н. Евреинов пытался доказать обратное). У человека между тем не просто есть отдельная от жизни игра в жизнь, но

² В отличие от ван Эйка и Веласкеса, Магритт скрыл художника, а ведь мог бы показать, да не одного, а сразу двух — и автора картины на мольберте, и себя самого. А мог бы еще и зрителей, обсуждающих картину, как в метапьесе Гоголя «Театральный разъезд» (см. раздел 8.5). «А мог бы и Бога, который ставит перед человеком эти неразрешимые загадки», — возможно, скажет кто-нибудь. Я к этим словам отношения не имею, а потому ограничусь тем, что начну книгу с главы, где обсуждается религия. Первый ее раздел (1.1) адресован в основном верующим, второй же (1.2) — рьяным атеистам, считающим религию досадным недоразумением, сбоем в работе мозга.

и сама жизнь в высшей степени напоминает театр — настолько, что не быть актером человек не способен по своей сути. Об этом пойдет речь в разделе 6.4.

А сейчас вернемся к отображениям реальности. Одно из самых знаменитых описано в мифе, который пересказывает Сократ в диалоге Платона «Государство» (кн. VII):

— Посмотри-ка, — говорит он собеседнику, — ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянть-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. <...> За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Странный ты рисуешь образ и странных узников! — недоумевает собеседник.

— Подобных нам. <...> Разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры? <...> А предметы, которые проносят там, за стеной; не то же ли самое происходит и с ними? <...> Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят? <...> Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени? <...> Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов. <...> Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше.

Что ж, условия человеческого существования можно описать и так, но не слишком ли безотраднa эта картина? И не слишком ли долго пришлось бы нашим предкам дожидаться кого-то неведомого, кто освободил бы одного из них от «оков неразумия»?

Мне видится иная пещера. В одном из ее глубоких залов, далеко от входа, куда не проникает ни единый лучик света снаружи, стоит группа людей. У большинства в руках факелы, их чадный огонь освещает стену пещеры. У стены стоит человек, он с изумительной точностью, в минималистской манере, углем, мелом и охрой рисует на скальной поверхности животных. Это не платоновские тени, которые можно лишь воспринимать. Воспринимать умеют и животные. Но люди умеют то, чего не умеет ни одно животное. Они создают отображения второго уровня — проекции запечатленных в памяти образов — и дают этим образам имена. Тем самым они творят собственный мир, благодаря которому меняются сами. Но главное — они не молчат, подобно узникам из диалога Платона (будь это так, все их усилия были бы напрасны), а говорят друг с другом³.

Изображая животных, бросая в изображения камни, рисуя потоки крови, струящейся из ран, верхнепалеолитические люди, как умели, решали насущную задачу — заставить умчавшееся животное вернуться, чтобы убить его и обеспечить себя и собратьев пищей. Но искусство — не только магическое, но и психологическое средство. Оно решает задачу, которую сами люди перед собой не ставили, — сделать зримыми образы прошлого и будущего⁴. Промелькнувшее у нас перед глазами и тут же скрывшееся животное оставляет отпечаток

³ Дотошный читатель скажет, что и эта воссозданная нашим воображением картина может оказаться иллюзией, как и вообще все, о чем мы рассуждаем с помощью изобретенных нашими предками языковых знаков. На это я могу ответить словами Готлоба Фреге: «На вопрос о том, не ошибаемся ли мы в каждом подобном случае, можно и не отвечать. Достаточно сослаться на наше намерение говорить и рассуждать именно о значении знаков, хотя и с оговоркой: “если таковое существует”» (см. раздел 2.1). Большая часть этой книги написана в предположении, что описываемое существует или существовало. Иными словами, предполагается, что человек (и только он) задумывается над метафизическими вопросами, потому что он продукт эволюции. Эта версия открывает перед разумом широкие перспективы, навсегда оставляя без ответа главный метафизический вопрос — о реальности самой эволюции и всего умопостигаемого мира.

⁴ Согласно Р. Гаману (1913: 35–36), изобразительное искусство, делая образы зримыми, но не материальными, решает еще одну задачу — оно изолирует

в нашей памяти — перцепт, как назвал его У. Джеймс — отображение первого уровня. Воспроизводя его, человек создает отображение второго уровня. Запечатленный образ, пусть и растворенный во внешней среде, как на полотнах К. Моне, — это средство не только остановить мгновение, но и выделить объект из слитного потока ощущений. Так, с помощью языка (в том числе и языка искусства), перцепт превращается то, что У. Джеймс назвал концептом. Руанский собор, даже и ставший под кистью Моне цветовым пятном, — все равно концепт, результат активности нашей мысли, а не перцепт, созданный пассивным ощущением, как уверяли импрессионисты. Поэтому Сезанн мог бы и не обводить предметы черными контурами, словно опасаясь, что они улетучатся, — рама картины сама по себе обеспечивает дискретность концепта.

Способность передавать информацию не только о том, что у нас перед глазами, но и о прошлом и будущем — важнейшее свойство языка, которое Ч. Хоккет назвал перемещаемостью. У животных есть образ прошлого (правда, запечатлеть они его не умеют, но память у них не хуже нашей), а вот образа будущего нет и быть не может — он создается языком и искусством. Так люди «освобождаются от оков неразумия» — не по волшебству и не поодиночке, как думал Платон, а с помощью коллективного разума и опыта. «Ничего-то мы, оказывается, не открыли», — сказал Пикассо, впервые увидев пещерную живопись. Да, она создана гениями, которых всегда единицы, но без помощи соплеменников они не смогли бы это сделать.

Творя собственный мир и тем самым все сильнее противопоставляясь природе, человек начинает раздумывать о том, что такое реальность. Достигнув определенной ступени умственного развития, он хочет знать, внешний ли мир перед ним или его отражение в сознании. А еще — сотворен ли этот мир или существовал изначально? Об этом, самом общем, вопросе пойдет речь в главе 1.

Глава 2, самая большая — о языке, о том, как он мог возникнуть, о том, в чем смысл грани, отделяющий нас от животного мира. В главах 3 и 4 будет сказано о природной и культурной составляющих наших эмоций и нашего поведения. Глава 5 посвящена одному из вопросов эстетики — тому, что Ф. Шиллер назвал уничтожением содержания формой (здесь затрагиваются отношения комического и трагического). Глава 6 — о смехе и плаче, о невербальной семиотике, о чувствах

эстетическое переживание от практических задач вопреки сознательным целям художников (см. главу 5).

и ролях. В главе 7 рассмотрены общие проблемы комического, а в главе 8 — некоторые его жанры.

Свести все это воедино — задача не из легких. Первоначально я хотел озаглавить книгу так: «О человеческом состоянии». Потом забраковал это название, опасаясь, что оно будет непонятно. Но общая тема книги все же именно такова. Я хотел рассказать о сущности человека, о его искусственности (если культура искусственна, то как может человек, от нее неотделимый, быть естественным?), о его прирожденном актерстве... И о причине всего этого — языке.

Одна из главных тем книги — смех. Так как все темы рассматриваются здесь под углом зрения эволюции, особое место уделено созданной С. М. Эйзенштейном эволюционной теории комического. Она важна не только для эстетики, но и для антропологии в целом (см. раздел 7.2). Эйзенштейн утверждал, что иногда в сознании (вернее, подсознании) человека совмещаются две точки зрения — его собственная и его предка, жившего в сколь угодно отдаленную эпоху. Позже это предположение блестяще подтвердилось в работах этнографов.

О механичности и искусственности человеческого поведения как источнике комизма писал А. Бергсон, имея в виду, конечно, не эволюционные, а социальные коллизии. И никому, кроме С. М. Эйзенштейна, чья теория комического оказалась невостробованной (собственно, незамеченной) даже в России, не пришло в голову, что подлинная причина смеха гораздо глубже. Еще одна часть нашего эволюционного наследия — бессознательная тяга детей к примирению — будет рассмотрена в разделе 4.1, который вместе с разделом 4.2 (о фасаде анекдота) включен в главу 4, посвященную фрейдистским трактовкам бессознательного.

Книга составлена из текстов, написанных или произнесенных за последние четверть века. Большинство из них опубликовано, но некоторые — только на Западе и нашему читателю практически неизвестны. К данной категории относятся и две не вошедшие в книгу большие статьи о политических карикатурах — времен Крымской войны (Kozintsev, 2013a) и Второй мировой (Kozintsev, 2015). Обе они, как и другие мои работы, доступны на сайте “Academia.edu” (<https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>). Там же можно найти и существенно расширенное американское издание моей книги о смехе (Kozintsev, 2010).

Я признателен Е. В. Вельмезовой, Л. Б. Вишняцкому, И. Э. Клюканову, А. Д. Кошелеву, Г. Е. Крейдлину и В. А. Петровскому, познакомившимся с рукописью и высказавшим полезные замечания. Благодарю

Е. А. Морозову, О. В. Волкову и Н. Н. Щербакова, которые помогли улучшить текст.

Буду благодарен и читателям уже напечатанной книги, которые захотят поделиться со мной своими соображениями. Сделать это лучше всего по электронной почте: alexanderkozintsev@yandex.ru

Санкт-Петербург, апрель 2023 г.

РЕЛИГИЯ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГА

1.1. Происхождение человека: что мы знаем и во что верим?¹

Я благодарю о. Кирилла, пригласившего меня на эту знаменательную встречу. Церковь, не только наша, но и западная, находится сейчас на переломе эпох, она остро нуждается в модернизации, в усвоении нового знания. Но приглашать ученых — дело опасное. Они люди непредсказуемые и могут наговорить такого, что не приведи Господи. Однако наш диалог происходит, кажется, в легком ключе, и в том же ключе я к нему и присоединюсь.

Мое выступление будет состоять из трех частей. Сперва я скажу о том, что вера не должна становиться на пути знания, затем — о том, что знание не должно становиться на пути веры, и, наконец, о том, как обстоит дело с проблемой грани между человеком и животными.

При советской власти такой диалог едва ли бы состоялся. Церковь находилась в приниженном состоянии, а мы, антропологи, считали ниже своего достоинства повторять банальности официальной атеистической пропаганды. Лет 30 назад я, в качестве лектора общества «Знание», читал лекции в разных точках бывшего СССР. Слушатели в городках Западной Украины и на хлопковых полях Таджикистана задавали мне вопросы. Спрашивали о том, что я, как антрополог, думаю о таких-то и таких-то местах в религиозных текстах, противоречащих тому, о чем я говорил. Я честно признавался, что не могу ответить, так как ничего в этом не смыслю. Я могу говорить о том, что знаю и понимаю, но не могу говорить о том, чего не знаю и не понимаю.

И вот времена изменились. Церковь подняла голову, а нам все чаще приходится обороняться. Все вы слышали об «обезьяньем процессе»,

¹ Выступление на научно-богословской конференции «Происхождение мира и человека» (Санкт-Петербург, 2010).

вызванном тем, что некоей девочке и ее папе показалось оскорбительным преподавание дарвинизма в школе. Спрашивается, для того ли мы избавились от идеологических пут советской эпохи, чтобы надевать на себя ничуть не лучшие пути ханжества и обскурантизма на манер Соединенных Штатов 20-х гг. прошлого века?

В предреволюционной России было не так — хотя церковь не была отделена от государства, а школа — от церкви, но Закон Божий и биология преподавались как бы в разных плоскостях. И это в принципе правильно, хотя вера часто пыталась выдавать себя за знание. А в нашем светском государстве конфликты между верой и знанием то и дело возникают, как возникали они в государстве советском. Это надуманный, искусственно созданный раздор.

Споры антропологического знания с верой кажутся мне сейчас столь же излишними, какими они мне казались при советской власти. Это только на первый взгляд они стали более актуальными в наше время, а, если вдуматься, они и сейчас так же бесплодны, как и прежде. В самом деле, прогресс в науке о происхождении человека (как и во всякой другой науке) произошел огромный, но что толку?

О. Кирилл спросил меня, есть ли у меня презентация и не хочу ли я ее показать. Есть у меня презентация, и не одна, но большого смысла показывать их здесь я не вижу. Никакие презентации никакие факты не могут поколебать веру. Знание основано на мысли, вера — на чувстве. Это два разных модуса восприятия мира, которые не могут и не должны враждовать. Если я что-то знаю, то мне не нужно в это верить. Напротив, если я во что-то верю, то мне не нужно этого знать. Знать (или не знать) я могу имманентные вещи, верить (или не верить) — в трансцендентные. Например, я *знаю*, что Земля вращается вокруг Солнца, а Луна — вокруг Земли. Я могу, если мне этого хочется, *верить* в то, что Иисус Навин по воле Бога остановил Солнце и Луну на небосводе и они не сдвинулись с места, покуда евреи не перебили своих врагов. Вопрос вот в чем: должны ли мы доверять подобным рассказам, отнюдь не трансцендентным (недоступным для рациональной проверки), или же разумнее верить в некие гораздо более общие, именно трансцендентные принципы, по самой сути своей такой проверке не поддающиеся?

Фраза Тертуллиана из трактата “De carne Christi” (ее часто неверно цитируют) — “Credibile est quia ineptum est” (достойно веры, ибо нелепо) — означает буквально следующее: если нечто закрыто от знания и даже кажется нелепым с точки зрения знания, то я могу в это лишь верить, если я этого хочу, и никто не может меня разуверить.